

УДК 316.3

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-83-105

ДЫБОВСКИЙ Александр Сергеевич
Осакий университет
Осака. Япония
aledybo@gmail.com

Alexander S. DYBOVSKY
Osaka University
Osaka. Japan
aledybo@gmail.com

**АЛЕКСЕЙ МАТВЕЕВИЧ ПОЗДНЕЕВ (1851-1920)
И ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
РОССИИ**

**ALEXEY M. POZDNEEV (1851-1920) AND
RUSSIAN PRACTICAL ORIENTAL STUDIES**

В контексте геополитической стратегии Российской империи во второй половине XIX - начале XX в. в статье рассматривается деятельность А.М. Позднеева как организатора и руководителя Восточного института во Владивостоке и Практической восточной академии при Императорском обществе востоковедения в Санкт-Петербурге. В конце XIX в. по инициативе прозорливой имперской бюрократии в лице С.Ю. Витте, Н.П. Боголепова и прочих была поставлена государственная задача - организовать подготовку специалистов для административных и торгово-промышленных учреждений России, знающих языки, особенности жизненного уклада и хозяйственной деятельности стран Ближнего и Дальнего Востока. Основная тяжесть воплощения в жизнь вышеуказанной государственной задачи легла на плечи профессора Санкт-Петербургского университета, доктора монгольской словесности А.М. Позднеева. Под его руководством небольшой группой молодых талантливых выпускников петербургского университета во Владивостоке на рубеже веков был создан Восточный институт, ставший уникальной Школой практического востоковедения, совершившей прорыв в организации восточноведного образования и научных исследований. В статье раскрываются основные направления новаторской деятельности указанной Школы и ее роль в создании современного российского востоковедения. На основе анализа разнообразных архивных материалов и публикаций «Известий Восточного института» подробно описывается роль А.М. Позднеева как идеолога, промоутера и многолетнего руководителя Школы. К статье прилагается перечень основных трудов А.М. Позднеева, составленный Т.В. Поликарповой.

The present paper provides an overview of extensive activities in the field of education of A.M. Pozdneev - a founder and head of Oriental Studies Institute in Vladivostok and Practical Oriental Academy under the Imperial Society of Oriental Studies in St. Petersburg. The founding of the two major academic centers of oriental studies in imperial Russia was of a crucial importance for the geopolitical strategy of the Russian Empire in the second half of the 19th - early 20th centuries, and it is within this historical context that the significance of the activities of A.M. Pozdneev is analyzed here. At the end of the 19th century, foresighted imperial government officials (namely, S. Yu. Vitte and N. P. Bogolepov among others) set a task to train specialists in living languages, economics and everyday life of countries of the Middle East and the Far East. Russian imperial officials realized the importance of training the necessary staff for a broad variety of administrative, commercial and industrial institutions of Asian part of Russia and neighbor-states. The main burden of the implementation of the above-mentioned task set by the State fell on a Professor of the St. Petersburg University, Doctor of Mongolian Literature, A.M. Pozdneev. In the beginning of the 20th century, under Pozdneev's guidance, a group of young, talented graduates of St. Petersburg University in Vladivostok's Oriental Studies Institute revolutionized the organization of Oriental Studies education and research, and made an invaluable contribution to the development of Russian scholarship on the East Asia. The present article reveals the main directions of innovative activities and academic achievements of the School of Practical Oriental Studies in Vladivostok and St. Petersburg and its role in the establishment of the field of modern Russian oriental studies. The role of A.M. Pozdneev as an ideologist, promoter, and the leader of the Russian School of Practical Oriental Studies is described in detail on the basis of the analysis of a wide variety of archival materials and the Oriental Studies Institute reports. A list of the main works of A.M. Pozdneev compiled by T.V. Polikarpova is provided.

Ключевые слова: А.М. Позднеев, Восточный институт, Практическая восточная академия, история российского востоковедения, практическое востоковедение

Keywords: A.M. Pozdneev, Oriental Studies Institute, Practical Oriental Academy, History of Russian Oriental Studies, Practical Oriental Studies

Введение

В последние годы появился целый ряд публикаций о первом директоре Восточного института, докторе монгольской словесности, тайном советнике (1905) Алексее Матвеевиче Позднееве. А.Н. Хохлов (1994) на архивных документах показал роль А.М. Позднеева в создании Восточного института во Владивостоке, описал основные достижения его научной, учебной, административной, а также исследовательской деятельности [38]. В

посмертной публикации Н.П. Шастиной (2003), подготовленной к печати А.Г. Садыкиным для сборника Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, посвященного 150-летию со дня рождения А.М. Позднеева, прослеживается жизненный путь А.М. Позднеева, даются краткое описание его монгольских и калмыцких экспедиций и критический разбор его основных трудов; оценивается вклад ученого в развитие отечественного востоковедения [39]. В нескольких публикациях О.Н. Полянской (2011, 2014, 2016) раскрываются заслуги Алексея Матвеевича Позднеева как выдающегося монголоведа и создателя практического монголоведения, выявляется его место в истории отечественного востоковедения, описывается содержание его основных трудов и их значение, кратко рассматривается административная и учебная деятельность А.М. Позднеева в Восточном институте и Практической восточной академии [26; 27; 28; 29; 30]. Нам представляется, что в вышеупомянутых публикациях недостаточно раскрыты роль А.М. Позднеева как идеолога практического востоковедения России, а также место Алексея Матвеевича и Владивостокской школы практического востоковедения в истории развития современного российского востоковедения. Выяснению этих вопросов и посвящена наша статья.

1. Практическое востоковедение на службе имперской геополитики

Следуя природе русской экспансии, а также мировым геополитическим трендам эпохи, во второй половине XIX в. Российская империя существенно расширила свои владения, включив в свой состав малозаселенные и слабо освоенные территории южного Казахстана, Киргизии и Туркестана. Конец XIX в. ознаменовался активизацией империалистической политики «великих держав», а также одержавшей победу в войне с Китаем в 1894-1895 гг. Японией. Главным объектом империалистической экспансии и местом столкновения интересов «великих держав» стал Китай. Усилилось соперничество между Россией и Японией за политическое господство в Корее.

После присоединения к России по Айгунскому договору (1858) и Пекинскому трактату (1860) Амурского края (в который в конце XIX в. включались нынешние территории Амурской области, Приморского края, южной части Хабаровского края, а также остров Сахалин, Еврейская автономная область и северная часть Маньчжурии [15]) активизировалась дальневосточная политика России, целью которой стали продолжение наращивания военного и экономического присутствия России в Цинском Китае в соответствии с договором 1896 г., борьба за влияние в Корее и Монголии в условиях жесткой конкуренции со стороны Великобритании и других «великих держав», а также все более усиливающейся Японии. По мере роста протяженности Ташкентской железной дороги и налаживания Великого Сибирского пути, включая строительство КВЖД, еще более, чем раньше, «на окраинах России... ощущалась необходимость иметь практических знатоков Востока: толмачей, учителей, таможенников, судей, военных...» [10, с. 62].

Для решения государственных задач организации жизни новых земель, обустройства границ и развития отношений с соседними государствами важным вопросом стала подготовка специалистов, владеющих языками восточных окраин и сопредельных с Россией государств и знающих географию, экономику, политику, законодательство, особенности жизненного уклада и быта соответствующих стран и народов. Поскольку ни Академия наук, ни имевшиеся университеты России не были готовы к преподаванию живых восточных языков и особенностей жизни обществ соседних стран Ближнего и Дальнего Востока, это требовало новых подходов к организации образования и науки. Усилиями прозорливых лиц из числа имперской бюрократии для решения вышеназванной государственной задачи во Владивостоке 21 октября 1899 г. был открыт Восточный институт, провозгласивший своей целью «подготавливать учащихся в нем лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях восточноазиатской России и прилежащих к ней государств» [8, с. 81]. Его директором, а также преподавателем монгольского и маньчжурского языков, истории и географии Монголии был назначен «ведущий монголовед России» (О.Н. Полянская) А.М. Позднеев, который в 1876 г. окончил Санкт-Петербургский университет по китайско-монгольско-маньчжурскому разряду и с 1884 г. работал на кафедре монгольской словесности вышеназванного университета. Алексей

Матвеевич «был знатоком разговорного и литературного монгольского языка, монгольской истории и литературы, автором фундаментальных исследований в этой области. Его работы... внесли весомый вклад в ориенталистику» [29, с. 50].

В соответствии с «Положением о Восточном институте» обучение в нем длилось четыре года (на первом курсе все слушатели из восточных языков изучали только китайский); общими для всех слушателей были 14 предметов: 1) богословие, 2) китайский язык, 3) английский язык, 4) французский язык, 5) общий курс географии и этнографии Китая, Кореи и Японии с общим обзором их политического устройства и религиозного быта, 6) политическая организация современного Китая и обзор его товаро-промышленной деятельности, 7) новейшая история (XIX в.) Китая, Кореи и Японии в связи с историей сношений России с этими странами, 8) коммерческая география Восточной Азии и история торговли Дальнего Востока, 9) политическая экономия, 10) международное право, 11) обзор государственного устройства России и главнейших европейских держав, 12) основы гражданского и торгового права и судопроизводства, 13) счетоводство, 14) товароведение [8, с. 81]. Специальные предметы варьировали следующим образом: «1) на китайско-японском отделении: японский язык и обзор политического устройства и торгово-промышленной деятельности современной Японии; 2) на китайско-корейском: корейский язык и обзор политического устройства и торгово-промышленной деятельности современной Кореи; 3) на китайско-монгольском: монгольский язык и обзор политического и экономического строя Монголии, с выяснением значения для него ламанизма и обзор торгово-промышленной деятельности этой страны; 4) на китайско-маньчжурском отделении: маньчжурский язык и обзор политического и экономического строя и торгово-промышленной деятельности современной Маньчжурии» [8, с. 82].

Изначально в составе Восточного института было четыре отделения (китайско-маньчжурское, китайско-монгольское, китайско-японское и китайско-корейское) и семь кафедр (китайской, японской, корейской, монгольской и маньчжурской словесности, историко-географических, юридических и экономических наук), которые заполнялись по мере привлечения необходимого персонала. Институт начал свою деятельность в составе трех и.д. профессоров во главе с директором, А.М. Позднеевым, который был к этому времени ординарным профессором Петербургского университета. К началу второго года в штате состояло тринадцать человек (преподавателей богословия - 1, профессоров - 1, и.д. профессоров - 5, преподавателей - 1, лекторов новых языков - 1, лекторов восточных языков - 4) [31, с. 83], а к 1 января 1910 г. преподавательский состав увеличился до 23 лиц (законоучитель - 1, профессоров - 2, и.д. профессоров - 5, преподавателей - 2, лекторов новых языков - 3, лекторов восточных языков - 10) [19, с. 7].

Примерно через год и три месяца после учреждения Восточного института в Санкт-Петербурге в небольшом помещении (по улице Николаевская, 7) при Императорском обществе востоковедения¹ 15 января 1901 г. были открыты Курсы восточных языков (первоначально были организованы занятия по языкам - персидскому (преподавал А.Ф. Гильфердинг), турецкому и японскому (преподавал И. Курино), на которые записалось 13 слушателей [24, Л. 2]). Вышеупомянутое Общество поставило «своею задачею сближение России с Востоком» и с первых лет своего существования стремилось к распространению в русском обществе знаний о современном Востоке [23, Л. 3].

В 1906 г. Курсы восточных языков были преобразованы в Курсы востоковедения, которые предназначались не только для практического изучения восточных языков, но также и для изучения соответствующих стран и «имели целью практическую подготовку лиц для службы на Ближнем и Дальнем Востоке» [24, Л. 2]. Их прототипом, кроме владивостокского Восточного института, стала Восточная семинария в Берлине, дававшая своим слушателям возможность приобрести теоретические познания живых восточных языков в соединении с практическими упражнениями в разговоре, а также необходимые сведения о современном быте стран изучения [23, Л. 8]. Как и Восточный институт

¹ Создано 29 февраля 1900 г. по инициативе О.С. Лебедевой, ставшей в нем первым преподавателем турецкого языка и почетным его председателем. См., например: [17].

во Владивостоке, курсы преследовали практические цели и доставляли «своим слушателям, во-первых, учение по новейшей истории и современному политическому состоянию той или другой страны, а, во-вторых,... знания именно живых, как образцово литературного, так и разговорного, языков каждой из восточных стран, подлежащих изучению» [23, Л. 8]. Директором курсов и преподавателем монгольского языка был назначен упомянутый выше А.М. Позднеев (являвшийся после ухода с поста директора Восточного института членом Совета министра народного просвещения); ученым секретарем и преподавателем китайского языка стал приват-доцент А.И. Иванов [24, Л. 3].

С 1906 по 1908 г. на курсах преподавалось четыре языка - китайский, монгольский, персидский и японский. В 1909/1910 учебном году к ним добавился турецкий, были готовы к открытию кафедры арабского, болгарского и сербского языков, а общее число слушателей составило 95 человек [24, Л. 4]. За два выпуска - 1908 и 1909 гг. - курсы окончили девять слушателей, из которых пять человек были студентами Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета [24, Л. 4].

12 января 1909 г. Курсы востоковедения были преобразованы в Практическую восточную академию, которой в 1909/1910 учебном году удалось набрать 44 новых слушателя: на китайское отделение - 5, японское - 18, монгольское - 2, персидское - 10, балканское (турецкий, болгарский, сербский языки) - 9 человек [24, Л. 6].

Как видим, масштаб деятельности рассмотренных учебных заведений был невелик, однако они были жизненно необходимы для осуществления азиатской политики России. В инициативе создания вышеназванных учебных заведений и в организации их работы были видны имперские императивы - потребность воспитания необходимого персонала для продвижения «русского дела» (С.Ю. Витте) - читай: российской политики империалистической экспансии - на Ближнем и Дальнем Востоке.

2. *Некоторые особенности организации научной и учебной работы Восточного института и Практической восточной академии*

Работа Восточного института была организована в соответствии с Положением о Восточном институте и Инструкцией в дополнение к Положению о Восточном институте в городе Владивостоке [8]. Настоящая инструкция определяла компетенцию и обязанности всех должностных лиц Восточного института, от директора до технических работников, а также и компетенцию Конференции Восточного института, которая и стала главным центром учебно-методической работы института. Конференция занималась распределением по курсам изучаемых предметов, устанавливала последовательность их изучения, расписание занятий, перечень тем ежемесячно представляемых студентами письменных работ, утверждала темы ежегодных сочинений на соискание студентами медалей, назначала предметы проверочного испытания абитуриентов при определении состава стипендиатов института, принимала решения об использовании учебных пособий и других учебных материалов и т.д. Однако наиболее важные вопросы - формирование штата сотрудников института и его финансирование, изменение учебного плана или характера специализации студентов, соединение или разделение кафедр, принятие мер к временному обеспечению преподавания по вакантным кафедрам, ходатайства об учреждении в институте ученых обществ, предложения по улучшению учебно-воспитательных установлений и т.д. - представлялись на утверждение министра народного просвещения Российской империи.

Основу учебно-методической концепции Восточного института составляла практическая направленность подготовки слушателей. Перед институтом ставилась задача «основательно ознакомлять слушателей как с естественным положением и экономическими условиями жизни, так и с правовыми отношениями различных государств Восточной Азии» [32, с. 4]. В дополнение к соответствующим курсам по географии и экономике, правовому и политическому устройству изучаемых государств уже на втором году существования Восточного института (в 1900/1901 учебном году) в нем «открылся курс новейшей истории Китая, Кореи и Японии», центральной проблемой которого стало столкновение европейской и местных культур на фоне политики западных стран в Восточной Азии [32,

с. 5]. В курсе географии стран Восточной Азии помимо общей характеристики каждой страны особенно подробная информация предоставлялась по тем провинциям и городам, которые имели значение для европейцев, давалось детальное описание морских, речных и континентальных путей сообщения [32, с. 5]. Даже в курсе богословия в версии первого законоучителя института - настоятеля Владивостокского кафедрального собора, протоиерея А.И. Муравьева - содержалась практически необходимая студентам культурологическая информация по истории важнейших мировых религий, а также информация о деятельности русской православной церкви за рубежом [8, с. VII-XI].

Практический характер образования заключался и в обучении студентов и слушателей Восточного института живым языкам изучаемых стран и народов во всем разнообразии их диалектов и функциональных стилей литературных языков с образцами разговорной и историко-повествовательной речи, примерами частной переписки, текстов официальных бумаг, дипломатического, административного, гражданского, уголовного делопроизводства с выработанными обычаями той или иной страны формами разного рода коммерческих актов, торговой корреспонденции [32, с. 5].

Стремление обучить своих студентов и слушателей владению живыми языками народов сопредельных с Россией государств для практической работы в них естественно привело Конференцию Восточного института к необходимости пересмотра традиционного метода преподавания иностранных языков, на который большое влияние оказало изучение классических текстов на мертвых языках (латыни, древнегреческом, санскрите, старославянском и прочих). Вопросы методики преподавания иностранных языков неоднократно поднимаются Конференцией, и уже в первые годы существования Института формулируется идея о необходимости активизации деятельности обучаемых и сокращения количества «сухого грамматического материала» за счет увеличения количества практических занятий [20, с. 67-68]. К разъяснению грамматики преподаваемых в институте языков было решено идти от практики владения языком, причем изучение языка должно было осуществляться при помощи текстов, из которых можно было получить разнообразные сведения лингвострановедческого характера, дающие слушателям представление о стране изучаемого языка. В Отчете о состоянии и деятельности Восточного института за 1901 год эти идеи были сформулированы следующим образом: «Главное внимание профессоров восточных языков было обращено на то, чтобы студенты, приступающие к изучению нового языка, не обременялись массой теоретических данных, а чтобы с первых же шагов могли связать несколько слов в целое предложение, освоили бы себе как можно более разговорных оборотов и путем чтения специальных текстов чисто практического и притом современного характера - в возможной полноте еще в стенах института ознакомились с основными чертами быта и социальных отношений в изучаемой стране» [20, с. 68]. Таким образом, изучение языка с самого начала связывалось с задачами изучения реальностей быта и культуры соответствующих стран.

В условиях отсутствия технических аудио-лингвальных средств обучения формирование штата квалифицированных лекторов по иностранным языкам, являвшихся естественными носителями изучаемых в Институте языков, стало важным направлением деятельности Восточного института, способствовавшим повышению уровня преподавания иностранных языков в нем. По Положению о Восточном институте (ст. 20) должности «лекторов-туземцев» учреждались на каждой из пяти языковых кафедр института. Первоначально договор с лектором носил форму контракта, в котором оговаривались условия его работы, которая строилась так, чтобы лектор в течение всего дня «всецело принадлежал студентам» [21, с. 84]; впоследствии деятельность лекторов была регламентирована соответствующим положением.

Практическая направленность обучающей системы Восточного института не превратила его в школу переводчиков, которые существовали в России ранее (новейшее фундаментальное исследование в этой области, касающееся восточных языков, - [1]). Важной задачей обучения в институте являлось также научить студентов анализировать имеющиеся в их распоряжении материалы, критически относиться к приобретенным сведениям, самостоятельно писать научные работы [33, с. 12].

Большое внимание уделялось и научному изучению стран Восточной Азии, которое большей частью также носило прикладной характер, что достигалось в первую очередь благодаря требованию изучения современного состояния стран Восточной Азии, их географии, развития промышленности, сельского хозяйства и транспорта, этнических и политических особенностей, торгово-производственной деятельности, религиозных верований, языков и культур.

Теоретическим вопросам посвящались и ежемесячные письменные работы и отчеты учащихся о летних экспедициях (из-за написания которых начало занятий на старших курсах отсрочивалось на месяц). В Записке о состоянии института за 1899/1900 академический год об исследовательской работе студентов говорилось следующее: «Обращаясь к научно-педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава, прежде всего следует сказать о практических занятиях со студентами. Этим занятиям, преимущественно по востоковедению, институт придавал большое значение. Цель занятий была приучить слушателей к самостоятельным исследованиям, дать им возможность при вступлении на общественную деятельность с пользой применять к делу приобретенные ими в институте сведения. Эта важная задача разрешалась совместными усилиями профессоров и слушателями настолько успешно, что некоторые из наших питомцев своими работами по переводу с английского языка и отчетами о поездке в Китай начинают уже делать вклады в бедную научными трудами русскую литературу о Востоке» [31, с. 79].

Подготовка специалистов в Восточном институте не была массовой: во время первого выпуска, состоявшегося 10 мая 1903 г., были аттестованы всего лишь 10 студентов, прошедшие полный курс обучения. За первые шесть выпусков аттестаты были выданы 75 студентам, за тот же период времени свидетельств об окончании института были удостоены 39 офицеров. За первые десять лет существования института образование в нем получили 114 человек.

Итак, в Восточном Институте во главу угла учебно-педагогической деятельности ставились основательная языковая подготовка и комплексное изучение страны избранного языка. Обучение имело не абстрактно-теоретический, а практический характер. Основным предметом изучения был не только язык как таковой, но и та социальная, культурная, экономическая, правовая и прочая реальность, которая стояла за ним. На методику преподавания иностранных языков существенное влияние, по-видимому, оказывал и личный опыт преподавателей, практически осваивавших восточные языки, находясь в языковой среде в стране будущей специальности (А.В. Рудаков, П.П. Шмидт, Е.Г. Спальвин, Г.В. Подставин, Н.В. Кюнер, Г.Ц. Цыбиков, Д.М. Позднеев). Такое изучение иностранного языка путем практической коммуникации в языковой среде принципиально отличалось от классической методики изучения иностранных языков, выработанной в процессе изучения мертвых языков, прежде всего древнегреческого и латыни, основой которой (методики. - А.Д.) было чтение классических текстов, детальное ознакомление с грамматикой и особое внимание к филологическому толкованию «темных» мест изучаемого текста.

По масштабам своих финансовых возможностей, а также по организации учебной работы Практическая восточная академия существенно уступала Восточному институту: здесь не было стабильного штатного расписания, собственного издательства и печатного органа. Курс обучения в Академии был рассчитан на три года, а программа ее находилась в соответствии с практическими требованиями государственной службы, коммерческой и иной деятельности в странах Ближнего и Дальнего Востока. Задачей Академии было «как практическое изучение языков и стран Востока, так и соответствующих дополнительных наук: коммерческих, юридических и пр.» [25]. В соответствии с этим и академический курс распадался «на отделы: коммерческий, консульский, окраинно-административный и военный» [25]. Слушателями Академии могли стать лица, окончившие среднее или высшее учебное заведение. Лица, не имеющие необходимого образовательного уровня, получали статус вольнослушателей. Плата составляла 20 рублей за семестр в случае изучения одного языка и 35 - в случае выбора двух. Занятия были организованы в вечернее время, что позволяло ее слушателям совмещать обучение в Акаде-

мии с трудовой деятельностью или получением университетского образования [25].

Главным криэйтором и администратором Практической восточной академии также стал А.М. Позднеев, который вольно или невольно воспроизводил привычные приемы и методы практического востоковедения, выработанные им за четыре года директорства в Восточном институте. Сам Алексей Матвеевич писал: «Ближе всего программы курсов (речь идет о курсах восточных языков, преобразованных в Курсы востоковедения и ставшие предтечей Практической восточной академии. - А.Д.) доходят к постановке преподавания во владивостокском Восточном институте, причем питомцы курсов Общества востоковедения имеют перед студентами Восточного института то преимущество, что они не отторгаются из сердца России на окраину, а следовательно, не лишаются возможности в каждый данный момент быть всецело осведомленными о положении в России того или другого занимающего их вопроса» [23, Л. 8-9].

Как и во время своего директорства в Восточном институте, А.М. Позднеев неоднократно обращался в Министерство путей сообщения и российские пароходные компании с ходатайствами о бесплатном проезде слушателей Академии в страны распространения изучаемых ими языков. Так, в 1910 г. 23 слушателя воспользовались бесплатным проездом в страны: Персия - 6, Китай - 4, Япония - 5, Сербия - 6, Турция - 2 человека [24, Л. 8]. Алексей Матвеевич неустанно трудился над совершенствованием содержания учебного процесса: например, в осеннем семестре 1908-1909 гг. на Курсах востоковедения был введен первый в России курс консульского и дипломатического права на Востоке [24, Л. 3]. По уровню преподавания живых языков, географии, новейшей истории и быта соответствующих стран занятия в Практической восточной академии были важным дополнением к программе Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, поэтому многие студенты Факультета посещали занятия Академии. Например, из известных японоведов здесь учились Н.И. Конрад, Е.Д. Поливанов, Н.А. Невский, М.Н. Рамминг, братья Орест и Олег Плетнеры. При этом главной задачей слушателей Академии было прежде всего практическое изучение языков. Исследовательских заданий во время их пребывания в странах изучаемого языка им не давалось, не было и публичных слушаний исследовательских работ студентов или иных лиц. Перемещение слушателей в места прохождения языковой практики (особенно дальневосточных стран) было сопряжено с расходами и требовало времени. В исследовательской работе своих слушателей Академии не удалось подняться до уровня Восточного института. В отличие от Восточного института, вскоре после революции 1917 г. Практическая восточная академия прекратила свое существование.

3. А.М. Позднеев как идеолог практического востоковедения России

В создании учебно-методической системы Восточного института, а также и Практической восточной академии ключевую роль сыграл Алексей Матвеевич Позднеев. Кроме педагогической деятельности и собственных научных исследований, А.М. Позднеев немало времени посвящал подбору и подготовке персонала Института и Академии, а также вопросам организации, методологии и методики учебной и научной работы указанных учреждений.

В коллективном труде «Дальневосточный государственный университет: История и современность» (1999), приуроченном к столетнему юбилею ДВГУ, сообщается о том, что выпускники Восточного института охарактеризовали А.М. Позднеева, с одной стороны, как «выдающегося монголоведа, великолепного организатора и администратора», с другой - как «администратора старой школы, тяжелого и капризного старика, душившего всякое свободное проявление организованного студенческого общения, как между собой, так и с профессорами...», за что «студенчество окрестило период правления А.М. Позднеева “монгольским игом”» [4, с. 37]. Дальневосточный историк Н.В. Кочешков в специальной главе своей книги о преподавателях Восточного института, посвященной жизненному пути Алексея Матвеевича, подробно останавливаясь на научных достижениях этого корифея российского монголоведения и ученого с мировым именем, отмечает также его «уникальные организаторские способности и умение работать с людьми» [12, с. 37]. На

наш взгляд, в вышеуказанных публикациях А.М. Позднеев недостаточно оценен как теоретик науки и образования, как русский патриот с широким кругозором и ясным геополитическим мышлением, в своих прозрениях намного опередивший время.

Для понимания взглядов Алексея Матвеевича на развитие науки и образования важна речь А.М. Позднеева на торжественном акте открытия Восточного института 21 октября 1899 г. Эта речь стала своеобразным манифестом практического востоковедения, программой основательной перестройки отечественного востоковедного образования. В ней отразились взгляды А.М. Позднеева на развитие и взаимодействие «чистой», «отвлеченной» «науки для науки», с одной стороны, и «науки практической» - с другой¹. В указанной речи А.М. Позднеев, лаконично обрисовав геополитическую ситуацию на Дальнем Востоке, характер столкновения «великих держав» в Восточной Азии, а также миссию России и особенности российской дальневосточной политики, указал на возможность развития Китая с его многомиллионным населением как будущей «сокровищницы мира», показал перспективы превращения Тихого океана в центр развития мировой цивилизации в будущем. Исходя из задач «русского дела» (С.Ю. Витте) в Восточной Азии, А.М. Позднеев обосновал необходимость практической ориентации в подготовке студентов и слушателей Восточного института. По его мнению, в российское востоковедение, которое до появления Восточного института занималось преимущественно изучением памятников литературы и истории стран Дальнего Востока, необходимо было внести «живую струю практики», сделать его средством получения и распространения «истинных сведений о Востоке», двигателем российского предпринимательства в Восточной Азии и развития отношений Российской империи с ее восточными соседями. Поэтому целью деятельности Восточного института провозглашалось широкое изучение современного Дальнего Востока и воспитание таких специалистов, которые смогут стать просвещенными деятелями, способными содействовать развитию «частной предприимчивости и... русского дела на Дальнем Востоке», а также «распространять среди русского общества правильные представления о нем» [18, с. 69].

В противовес традиционному востоковедению, развиваемому учеными петербургской школы, представленными в первую очередь профессурой восточного факультета Санкт-Петербургского университета, Алексей Матвеевич считал необходимым создание новой школы практического востоковедения, основой которой был призван стать Восточный институт. Различие традиционного и практического востоковедения А.М. Позднеев видел в том, что первое интересуется прежде всего древностью, «не преследует никаких практических целей» и «высоко держит знамя чистой науки»; оно стремится к «исследованию и познанию абсолютного в своем предмете, к уяснению основ и законов его бытия» [18, с. 70], для него необходимо некоторое «законченное прошлое», по которому ученый «вполне может и прозревать и незыблемо устанавливает как причины известных событий, так и результаты оных» [18, с. 70]; основной его интерес - «сакральные книги» народов Востока, разгадка тайн которых ученый может посвящать всю жизнь. «Не то в практической науке. Подверженный постоянным изменениям материал ее, во-первых, хранится и должен быть извлечен из самой жизни, во-вторых, отличительным качеством трактатов этой науки должна быть по преимуществу современность», - развивал свою мысль Алексей Матвеевич. По его мнению, практическое направление востоковедной науки было призвано преследовать утилитарные цели, изучать современность и стать основой практического востоковедного образования, способного дать обучаемым верные сведения о реальной жизни восточных народов и «практически применимые результаты» исследований, а также «знание речи живой, удобопонятной современному желтому человеку», причем, не простолюдину, а представителю «современных образованных обществ той или другой народности...» [18, с. 72]. Востоковед-практик, с точки зрения А.М. Позднеева, не может обойтись без навыков чтения, перевода и составления «разного ро-

¹ Думается, что это противопоставление у А.М. Позднеева в основном соответствуют современному противопоставлению фундаментальных и прикладных научных исследований. - А.Д.

да актов и документов, относящихся до гражданского, уголовного или дипломатического производств...», «торговой корреспонденции...» [18, с. 72-73]. Отмечая большую сложность практического востоковедения, Д.М. Позднеев указал на необходимость привлечения к новому направлению науки большого количества исследователей, предсказал появление так называемых «узких специалистов», знающих все мелкие детали в своей области, которые не способны уловить специалисты широкого профиля. А.М. Позднеев считал развитие практического востоковедения необходимым и неизбежным и предвидел благотворное влияние практического востоковедения на традиционные востоковедные исследования: «Наука для науки, несомненно, и сама потечет еще шире и глубже при восприятии в свое ложе данных науки практической. Это последнее наше положение уже ясно показывает нам высокое значение практической науки» [18, с. 75-76], - констатировал он. В заключение своей речи А.М. Позднеев призвал собравшихся проявлять снисходительность к методологическим исканиям Восточного института ввиду недостаточной изученности вопросов практического востоковедения и отсутствия каких бы то ни было учебных пособий и напомнил о высокой миссии Восточного института - стать центром российского практического востоковедения и практического востоковедного образования [18, с. 77].

А.М. Позднеева занимали и общие вопросы теории образования. Например, в связи с тем, что контингент студентов Восточного института формировался без вступительных экзаменов, Алексей Матвеевич на заседаниях Конференции ставит вопрос о специфике учебной работы высшего учебного заведения и отличиях последнего от средней школы [20, с. 62]. Позднеев считал, что назначение средней школы состоит в том, чтобы «в возможно большей степени развивать духовные способности человека и сообщать ему знания для разумного и сознательного отношения к окружающему в жизни» [20, с. 62], и далеко не все обладатели аттестата зрелости, выданного средней школой, пригодны для обучения в университете в связи с тем, что «между догматическим усвоением научных истин под неустанным контролем учителя в средней школе и свободным штудированием предмета в высшем учебном заведении существует коренная разница, обуславливающая собою массу трудного для молодого человека» [20, с. 62].

Из отчетов заседаний Конференции Восточного института следует, что ее председатель А.М. Позднеев большое внимание уделял вопросам оптимизации преподавания восточных языков. Например, на одном из первых заседаний конференции Восточного института 18 октября 1899 г. А.М. Позднеев замечает: «Очень многие у нас почитают китайские тоны за какую-то странную и совершенно излишнюю модуляцию голоса, которая свойственна будто бы одним только китайцам и может быть совсем игнорируема иностранцами» [8, с. XXIX]. И далее: «Объясняться с китайцем, не соблюдая ни ударений, ни тонов, очень трудно даже при отличном знании слов, грамматики и идиоматической фразеологии...». В результате Конференцией было определено: «лекции по китайскому языку читать совместно профессору и лектору», с тем, чтобы профессор объяснял бы теоретическое правило, а лектор «говорил пример и произносил его по несколько раз с отдельными студентами, пока каждый из них не усвоит себе более или менее правильной интонации...» [8, с. XXIX-XXX]. Как видим, Алексей Матвеевич считал необходимой такую постановку преподавания восточных языков в Восточном институте, которая дала бы слушателям возможность свободно пользоваться изучаемыми языками на практике.

На заседании конференции Восточного института 23 февраля 1900 г. А.М. Позднеевым обосновывается необходимость более широкого преподавания в институте китайского языка на китайско-монгольском и китайско-маньчжурском отделениях с тем, чтобы сделать предметом специального обучения наряду с японским и корейским языками [8, с. XLV-L]. 17 июля 1900 г. высочайшее разрешение было получено [21, с. 149], и центральное место в подготовке слушателей китайско-маньчжурского и китайско-монгольского отделений стала занимать китаеведческая подготовка. На китайский язык (так же, как и на японский и корейский) стало отводиться по 10 недельных уроков, а на монгольский и маньчжурский, как более исследованные, легкие для освоения и обладающие сравнительно меньшей литературой, было выделено по 6 недельных уроков [21, с. 113].

Позднеев вел переписку с организациями и частными лицами, занимающимися различными видами деятельности в странах Восточной Азии. На заседании Конференции 29 ноября 1899 г. по заявлению директора было принято решение «...при каждой открывающейся к тому возможности приглашать русских деятелей на Востоке сообщать Институту собранные ими материалы по исследованию различных стран Востока» [8, с. LX]. Таким образом, Восточный институт превращался в координационный центр по исследованию стран Восточной Азии, устанавливал необходимые связи с общественностью.

А.М. Позднеев выдвинул идею изучения современной истории стран Восточной Азии и сформулировал ключевые задачи соответствующего учебного курса. Он писал: «С наступающего 1900-1901 академического года в Институте впервые открывается курс новейшей истории Китая, Кореи, Японии, причем вопрос о столкновении двух культур, - одного из основных явлений этого периода, - ставит целую массу других, побочных мелких вопросов, решать которые приходится и ученым, и практическим деятелям. При этом необходимо, конечно, уяснить также роль, цели, задачу, интересы и стремления каждого из европейских государств, соперничающих ныне на Востоке. С другой стороны, нельзя не заметить, что если в курсе новейшей истории Китая для всякого европейского практического деятеля представляются имеющими большое значение факты вторжения европейцев в жизнь Китая, со всеми многоразличными последствиями этого явления, то все же означенные факты ближайшим образом касаются лишь самого незначительного уголка жизни всего Китая, вне которого продолжает действовать, развиваться громадный самобытный Китай с его своеобразной культурой...» [32, с. 5-6].

Практическая направленность преподавания иностранных языков в Восточном институте приводит Позднеева к мысли о необходимости изменения традиционного метода преподавания иностранных языков, в истоках которого лежало изучение мертвых языков: «Учебные занятия в Восточном институте в течение отчетного года по сравнению с минувшим годом подверглись значительному изменению, как со стороны метода преподавания, так и содержания читаемых курсов. В 1900-1901 учебном году, когда в Восточном институте впервые был открыт курс всех восточных языков, входящих в состав институтского преподавания, изучения оных, за исключением только китайского языка, велось по классическому способу. Опыт первого года указал, однако, что одно чтение профессором сухого грамматического материала за срок от полутора до двух месяцев и простое слушание этих лекций, без активного участия в оных, действует на студента расслабляющее и убивает их энергию, а далее, благодаря тому, что из обширного, только прослушанного, но не усвоенного практически курса грамматики многое забывается, профессорам, естественно, приходится впоследствии, при начале чтения и разбора текстов, повторять снова почти все сказанное. По таковым соображениям, как отдельными профессорами, так и полным составом конференции определено было изменить классический способ изучения языков на практический. Само собою разумеется, что этот последний метод собою так же точно не исключает повторений, но он, несомненно имеет за собою то преимущество, что с одной стороны с первого же момента делает студента активным, а с другой - сообщение систематического курса грамматики, после ознакомления на практике с важнейшими элементами языка, слушается студентами охотнее и воспринимается продуктивнее и сознательнее, так как оно дает им полное освещение тех фактов, с которыми они уже имели доселе дело в отдельности» [20, с. 67-68] (Здесь сохранена пунктуация оригинала. - А.Д.).

Как видим, Алексей Матвеевич постоянно работал над вопросами совершенствования учебной и научной работы Восточного института. Он внес весомый вклад и в разработку общей концепции Восточного института, и в частные вопросы учебно-методической и научно-исследовательской работы. А.М. Позднеев неизменно интересовался общими вопросами методики и философии образования и, несомненно, был креативным лидером в деле создания и совершенствования обучающей системы Восточного института, в том числе и в области оптимизации преподавания иностранных языков. Его идеи были основополагающими и при создании Практической восточной академии.

Учреждению Практической восточной академии предшествовала попытка А.М.

Позднеева придать изучению востоковедения в России характер общегосударственной задачи, решаемой системой народного образования. По возвращении из Владивостока в столицу в октябре 1904 г. А.М. Позднеев как член Совета министра народного просвещения обратился в Министерство с проектом «К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях: докладная записка от 8 октября 1904 г.» [22]. В этой «Записке» А.М. Позднеев выступал за создание в России системы востоковедного образования и науки, которые служили бы геополитическим задачам России и готовили бы необходимые кадры для продвижения «русского дела» (С.Ю. Витте) на Ближнем и Дальнем Востоке. Суть проекта А.М. Позднеева состояла в том, чтобы придать постановке преподавания на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета практический характер по образу и подобию владивостокского Восточного института. При этом научное изучение Востока предполагалось передать Академии наук, создав в ней несколько новых кафедр; предполагалось также создать сеть средних специальных учебных заведений - Восточных школ - для подготовки будущих востоковедов и переводчиков для местных органов государственной власти [22, Л. 1-10].

В своем проекте А.М. Позднеев основывался на результатах успешной работы Восточного института в первые годы его существования прежде всего в постановке преподавания восточных языков (см. об этом подробнее в [5]). Поэтому он отчетливо видел недостатки в работе факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета и предлагал конкретные меры, направленные на устранение этих недостатков - например, усиление общеобразовательных курсов для будущих востоковедов по истории и географии, совершенствование практической языковой подготовки студентов посредством увеличения числа практических занятий по языку и привлечения к работе со студентами опытных лекторов, являющихся природными носителями соответствующих языков.

Проект А.М. Позднеева был радикален, так как он предполагал кардинальную перестройку востоковедного образования не только в главном университете страны, но и во всей стране. В некотором отношении он был и реакционер¹, так как посягал на свободу научного поиска столичных востоковедов, а также их лекционной работы и прагматично направлял их деятельность в русло служения Империи. Кроме того, в нем не присутствовали высказанные ранее идеи о практическом востоковедении как науке, объектом изучения которой является современность стран и народов Востока. В его проекте не говорилось уже о «практической» науке, противостоящей науке «чистой», «отвлеченной», а также о плодотворном взаимодействии двух вышеназванных потоков научной мысли. Кроме того, в «Записке» полностью отсутствовало развитие идей, высказанных Алексеем Матвеевичем в его речи во время церемонии открытия Восточного института во Владивостоке. Несколько упрощая идеологию проекта, можно сказать, что научные исследования предполагалось передать Академии наук, а Факультету восточных языков предполагалось поручить целенаправленно осуществлять исключительно практическую подготовку будущих дипломатов, административных работников, предпринимателей, таможенников, военных и т.д., призванных служить Российской империи на Востоке. Это явно был шаг назад от вдохновенной речи А.М. Позднеева о новой школе востоковедения и «практической науке» во время торжественного акта открытия Восточного института.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что «Записка» А.М. Позднеева была подвергнута разгромной критике в пространном «Заключении факультета восточных языков» за подписью декана факультета В. Жуковского и секретаря П. Мелиоранского. «Записка» А.М. Позднеева была охарактеризована как «проект уничтожения одного из отделений» Санкт-Петербургского университета (Заключение Факультета восточных языков по Записке члена Совета министра народного просвещения А. Позднеева) [10, с. 3]. «Заключение» начиналось с обвинения А.М. Позднеева в «поразительном незнакомстве» с «современным состоянием вообще научного востоковедения в Европе и постановкою его в России, в частности, на Факультете восточных языков» [10, с. 1] и заканчивалось утвер-

¹ Ср. характеристику А.М. Позднеева как «крайнего реакционера» по политическим взглядам в [39; С. 7].

ждением о том, что «мало соответствуют жизненной действительности» предложения автора «Записки» «на каникулярное время откомандировывать учащихся в местности по языку своей специальности для практики...» [10, с. 40]. Единственно правильной мыслью «Записки» было признано то, что «факультет не может одновременно давать своим питомцам и высшее научное университетское образование, и практическую подготовку к различным видам службы» [10, с. 4]. Не вдаваясь в определение понятий, авторы «Заключения» заявили, что «Факультет восточных языков самым решительным образом желает продолжать быть и сознавать себя нераздельною частью Университета, а потому считает главной своею задачею разработку и преподавание научного, а не практического востоковедения» [10, с. 3]. Предложения А.М. Позднеева не получили поддержки ни академической, ни университетской общественности столицы, однако его государственнические планы были высоко оценены Министерством просвещения, и его попечительству были предоставлены Курсы востоковедения при Императорском обществе востоковедения, а затем и Практическая восточная академия, которые и стали местом осуществления вышеизложенных идей по развитию практического востоковедения.

Заключение

Как было показано выше, Восточный институт и Практическая восточная академия были призваны обучать своих слушателей свободному владению восточными языками во всем разнообразии их книжных и разговорных форм, функциональных стилей и речевых жанров и давать им разнообразные сведения о соответствующих странах и народах, необходимые для практической деятельности в административных, торговых, религиозных, военных и прочих учреждениях Империи, а также для ведения предпринимательской деятельности в азиатских районах России и прилегающих к ним государствах. Но чтобы давать студентам такие знания и языковые компетенции, обучающие должны были не только сами обладать необходимой компетенцией, но и создать соответствующую обучающую систему. И на этом поприще педагогическому коллективу Восточного института удалось совершить несколько замечательных «прорывов в будущее». В результате целенаправленной и самоотверженной работы небольшой группы талантливых молодых выпускников восточного факультета Санкт-Петербургского университета и первого директора Восточного института А.М. Позднеева был совершен революционный переворот, обеспечивший прорыв к совершенно новым, невиданным ранее в России параметрам восточного образования и востоковедных исследований.

Во-первых, была создана уникальная для своего времени система преподавания восточных языков. Ее создание началось с использования новейших учебников, написанных ведущими европейскими востоковедами, коренной переработки методики преподавания иностранных языков, важнейшим элементом которой стало введение и эффективное использование института «лекторов-туземцев», и создания с их помощью собственных уникальных учебников и учебных пособий. Учебные пособия, написанные А.В. Рудаковым, П.П. Шмидтом, Е.Г. Спальвиным и В.М. Мендриным, были далеко не идеальными¹, однако они составляли существенную часть обучающей системы, позволявшей студентам Восточного института за сравнительно небольшой промежуток времени (3-4 года) практически осваивать восточные языки.

Во-вторых, практическая направленность учебной и научной работы профессоров Восточного института привела их к необходимости сделать объектом своих интересов современное состояние народов и обществ, языки которых они преподавали. Необходимо было изучать особенности быта и религиозных верований, сельское хозяйство и промышленность, торговлю и транспорт, государственное устройство и законодательство, общественные институты и особенности менталитета соответствующего народа и т.д. и

¹ См., например, критические замечания об учебниках и программах по иностранным языкам, а также по содержанию лекций и организации учебной работы Восточного института по «Записке» подполковника Поморцева в: [1; с. 276-279].

т.п. Так был совершен прорыв к проблематике современного страноведения. Например, две страноведческие работы Д.М. Позднеева (который, несомненно, был сторонником идей и последователем своего старшего брата А.М. Позднеева) - «Япония: военно-экономическое описание» (М.: Изд. Развед. упр. штаба РККА, 1924. 268 с., диагр.) и «Япония: страна, население, история, политика» (под ред. А.А. Иорданского. М.: Воениздат, 1925. 351 с.: [25 фото]; ил.; 2 карты) - это своего рода прототип неоднократно издававшегося отделом Японии Института Востоковедения АН СССР информационного сборника «Современная Япония». То, что Д.М. Позднеев написал в двух этих книгах общим объемом более 600 страниц, вполне сопоставимо с вышеуказанным справочником, над написанием второго издания которого (1973 г., 853 с.) работал 41 автор.

В-третьих, был совершен прорыв в области сбора информации. Его источниками стали не только полевые экспедиции, но и периодические издания, в первую очередь газеты и журналы на европейских и восточных языках. С их использованием уже в первые годы существования Восточного института появляется реферативный информационный сборник «Летопись Дальнего Востока». Периодические издания содержали материалы, служившие для оперативного анализа экономики и политики, производственной деятельности и торговли, международных отношений, военного потенциала государств и армий, работы правительств, организации судопроизводства и проч. Анализом периодики для поиска информации систематически занимались, например, на всю жизнь связавшие свою исследовательскую работу с практическим востоковедением Д.М. Позднеев и К.А. Харнский. Из периодики черпал необходимый материал для курса лекций по Новейшей истории Китая, Японии и Кореи Н.В. Кюннер. С другой стороны, востоковеды обращались к журналистике как средству, дающему возможность сообщить российской публике новейшие сведения о Востоке. Вышеупомянутые Д.М. Позднеев и К.А. Харнский написали сотни статей по востоковедной тематике в российской прессе¹.

В-четвертых, в условиях отсутствия литературы по многим проблемам практического востоковедения активизировалась переводческая работа, которой занимались преподаватели и студенты. Кроме полных переводов, нередко писались компилятивно-реферативные работы, которые становились мостиком между освоением зарубежной научной мысли и собственным научным поиском. В качестве примера такой работы можно назвать получившую высокую оценку Конференции Восточного института статью Л.А. Богословского «К вопросу о характеристике японцев. Этическая основа жизни привилегированного сословия Японии», опубликованную в «Известиях Восточного института» и до настоящего времени вызывающую интерес читателей [2]. После доработки исследование было защищено в качестве диссертации (вероятно, магистерской) (см. об этом: [11]). Таким образом, предметом активного научного интереса и анализа востоковедов стали работы, как тогда говорили, «туземных авторов». В японистике в этой области большое наследие оставили В.М. Мендрин, Д.М. Позднеев, Н.П. Мацокин.

В-пятых, важным прорывом в области практического востоковедения стали полевые исследования студентов старших курсов, а также офицеров-слушателей Восточного института во время летних командировок в страны изучаемых языков. Методически такие работы были, как правило, несовершенны, но в них поднимались новые для российского востоковедения вопросы, давались описания еще не исследованных европейцами территорий, разных сторон жизни, ставших предметом специальности слушателей стран и народов. Летние поездки по странам изучаемого языка давали студентам и слушателям возможность, как говорил А.М. Позднеев в речи на торжественном акте открытия Восточного института, «посвятить свои силы на более широкое и разностороннее изучение областей, сопредельных восточной окраине России» [18, с. 67]. В этой сфере в исследова-

¹ См. подробнее: [6], наши статьи о К.А. Харнском – «К.А. Харнский как публицист и политический обозреватель» и «Публицистика К.А. Харнского и газетная дискуссия о новом быте», а также список публикаций К.А. Харнского – [34].

тельской деятельности активно участвовали офицеры-слушатели. По подсчетам М.К. Басханова, только в течение первых четырех лет существования Восточного института ими в «Известиях» было опубликовано 12 работ (см. подробнее: [1, с. 235-236]).

Необходимо сказать, что основе успешной деятельности Восточного института в последние десятилетия существования Российской империи способствовало то, что имелось необходимое финансирование для создания уникальной для своего времени востоковедной библиотеки, собственная типография и возможность выписывать необходимые газеты и журналы на иностранных языках. Уже в советскую эпоху по инициативе Е.Г. Спальвина на восточном факультете ГДУ, в который превратился Восточный институт в 1920-е годы, была предпринята попытка издания периодического научно-популярного востоковедного журнала «Восточная студия», которое было крайне затруднительно из-за отсутствия необходимых финансовых средств и издательской базы (см. об этом: [7]).

Уход от традиционного востоковедения, развивавшегося во многом под влиянием классических работ по истории и литературе Древней Греции и Рима, а также провозглашенные А.М. Позднеевым императивы практического востоковедения открыли новые объекты исследований и новые подходы, сделали возможной новую оригинальную постановку проблем, открыли безграничные просторы для порождения новых научных дискурсов. Поэтому представители Владивостокской практической школы во многом были пионерами отечественного востоковедения. Например, работы Е.Г. Спальвина «Японский прогресс» [37] и «Конфуцианские идеи в этическом учении японского народа» [35] были у нас первым основательным подходом к теме, названной впоследствии в Японии «теорией японцев» (НИХОНДЗИНРОН) и получившей феноменальное распространение и в Японии, и за ее пределами после публикации знаменитого бестселлера американского культур-антрополога Р. Бенедикт «Хризантема и меч» (1946). Е.Г. Спальвиным и П.Г. Васкевичем были написаны первые работы о японской диаспоре в России¹, Н.П. Мацокин написал первую в отечественной японистике серьезную работу по японской мифологии [14], а также «новаторскую» (В.М. Алпатов) работу по морфологии японского глагола [13]. Н.П. Овидиев, ставший в 1932 г. последним заведующим кафедрой японской словесности ГДУ, опубликовал в 1926 г. первую в отечественной японистике работу о стилистической дифференциации в японском языке [16]. Преподавателями и слушателями Восточного института были осуществлены первые в России переводы японской художественной литературы, не говоря уже о многочисленных новаторских курсах лекций, а также целом комплексе учебных пособий по восточным языкам, многие из которых в начале XX в. были лучшими не только в России, но и в мире².

Как было показано в нашей статье, исходная установка на связь с практикой позволила Восточному институту реализовать новые подходы к изучению стран Восточной Азии, внести заметный вклад в преподавание восточных языков в России. Усилиями профессорско-преподавательского состава Восточного института и его первого директора А.М. Позднеева была создана новая научно-практическая школа российского востоковедения, а также уникальная обучающая система, позволявшая в короткие сроки готовить востоковедов-практиков, необходимых Российской империи в ее азиатских владениях и прилегающих государствах. За два десятилетия своей деятельности Восточный институт стал одним из мировых центров востоковедения. Научно-теоретический подход к изучению Востока в России был переведен в практическое русло. На деле было налажено взаимодействие между наукой и практикой международных дипломатических, экономических, культурных связей. Трудami преподавателей, слушателей, студентов и выпускников Восточного института было положено начало современному российскому востоковедению.

¹ См: [3; 36]. Как следует из текста, «Очерк» П. Васкевича был написан в янв. 1904 г.; в предисловии к публикации архивных материалов А.А. Щербина указал, что написание работы Е.Г. Спальвина датируется 1911 г. (С. 108).

² См. хотя бы учебники и учебные пособия по японскому языку Е.Г. Спальвина.

И этот уникальный опыт А.М. Позднеев со всей присущей ему настойчивостью старался воспроизвести в созданной им при Императорском обществе востоковедения Практической восточной академии. На этот раз результаты были весьма скромные, однако Алексей Матвеевич до конца своих дней оставался государственнымником [1, с. 221] и русским патриотом, как бы принявшим на себя обет служения «русскому делу», в том смысле, в каком он сам его понимал.

Приложение

Алфавитный указатель основных работ Алексея Матвеевича Позднеева

Составитель Т.В. Поликарпова

1881 *Магистерская диссертация: Образцы народной литературы монгольских племен. Петербургский университет.*

1883 *Докторская диссертация: Монгольская летопись Эрдэнийн-эрихэ, с пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 гг. Петербургский университет.*

Lao-tse's Tao-te-king, nach Reinold v Paenknner's Uebersetzung bearbeitet von E. A. von Friede, St.-Petersburg, 1884 // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Т. 6. С. 374-400; т. 7. С. 1-18.

Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Т. CCXLIV, Отд. 2.

Вести с Востока [Смерть императрицы] / пер. с фр.) // Восточное обозрение. 1882. Вып. 9. С. 3-6.

Города Северной Монголии / [соч.] А. Позднеева. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1880. [2], 115 с.

Грамматика монгольского языка (фонетика и морфология) // Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 3.

Долон-Нор (Выписка из дневника, веденного во время путешествия по Монголии в 1876-1879 гг.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1888. Т. XXX. С. 63-79.

Житие Святого равноапостольного князя Владимира / пер. с калм.; под ред. А.М. Позднеева. Астрахань: Тип. Гл. упр. калм. народа, 1888. 86 с. В память девятисотлетия крещения Руси.

Замечания на дневник о. Палладия по Монголии, веденный в 1847 г. // Записки Императорского русского географического общества по общей географии. 1892. Т. XXII. С. 114-228.

Записка о преобразовании учебной части у калмыков Астраханской губернии / сост. орд. проф. С.-Петерб. ун-та А. Позднеев. Санкт-Петербург: Тип. и лит. Л. Бермана и Г. Рабиновича, 1889. [2], IV, 98 с.

История калмыков. Л., 1935.

К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях. Докладная записка от 8 октября 1904 г. // Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 150.

К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях. СПб.: Тип. Б.М. Вольфам, 1904. 20 с. На правах рукописи.

К вопросу об учреждении курсов восточных языков при Обществе востоковедения. 1907 г. // Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 152.

К истории зюнгарских калмыков: (Письмо к Н.И. Веселовскому по поводу издания «Посольства Унковского к Контайше. 1722-1724 гг.») / А.М. Позднеев. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1887. 26 с. (Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии; т. 10, вып. 2). Отд. отт.

К истории развития буддизма в Забайкальском крае. [СПб.]: Тип. Император. Акад. наук, [1886?]. 19 с. (Записки Императорского русского географического общества по от-

делению этнографии; т. I, вып. 3). В том числе материалы на монг. яз. Отд. отт.

Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ. 1-е изд. СПб., 1892.

Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ, составленная А. Позднеевым, членом совета министра народного просвещения, профессором и директором курсов востоковедения при Обществе востоковедения. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1907. [3], IV, 195 с.

Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ / составленная А. Позднеевым; Имп. О-во востоковедения. Изд. 3-е, испр. и доп. Петроград: Тип. И. Бораганского, 1915. 196 с.

Калмыцкие народные сказки: в подлинном калмыцком тексте / издал А. Позднеев. СПб., 1886. 95 с. Монг. На правах рукописи.

Калмыцкие народные сказки, собранные в калмыцких степях Астраханской губернии и в подлинном калмыцком тексте изданные А.М. Позднеевым. I. СПб., 1892.

Калмыцкие народные сказки / в подлинном калмыцком тексте издал А. Позднеев. СПб.: Литогр. А. Иконникова, 1897. 95 с.

Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах / составил А. Позднеев, член совета министра народного просвещения, профессор и директор Практической восточной академии; [предисл.: пред. О-ва востоковедения Н. Шведов]; О-во востоковедения. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. [2], IV, 306 с.

Каменописный памятник подчинения маньчжурами Кореи (с маньчжурским текстом) // Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1890. Т. V, вып. 1. С. 37-55. Поправка к статье: Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1892. Т. VII, с. 326.

Китайская пайцза, найденная в Минусинском округе в 1884 году. СПб.: Тип. АН, 1885. 7 с.; 1 ил. Отд. отт. из Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1886. Вып. 1. С. 1-7.

Китайская пушка, хранящаяся в Санкт-Петербургском артиллерийском музее // Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1886. Т. I. С. 121-141.

Китайские зеркала, найденные в г. Кульдже // Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1886. Т. I. С. 222-225.

Китайские тексты, читанные в 1906-1907 гг. СПб.: Изд. Имп. О-ва востоковедения, 1907. 95 с.

Ламайские кумиры или статуи божеств: (Из коллекции, сост. проф. Позднеевым). СПб.: тип. В. Безобразова и К°, [1896]. 11 с.

Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором С.-Петербургского Университета А.М. Позднеевым в 1895/96 акад. г. Т. I / записал и издал студент Х.П. Кристи. СПб.: Литогр. И. Трофимова, 1896. 240 с.; каллигр. 6 л.

Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором С.-Петербургского университета А.М. Позднеевым в 1896/97 акад. году. Т. II / записал и издал студент Х.П. Кристи. СПб., 1897.

Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором Императорского С.-Петербургского университета А.М. Позднеевым в 1897/98 акад. году. Т. III / записаны и изданы бывшими студентами Факультета восточных языков Императорского университета Г.П. Подставиным и Г.Ц. Цыбиковым. Владивосток, 1908.

Монголия и монголы: Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892-1893 гг. А. Позднеевым: в 2-х т. Т. I: Дневник и маршрут 1892 г. СПб.: Изд-во ИРГО, Тип. Император. Акад. наук, 1896. XXX+696 с.: ил.

Монголия и монголы: Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892-1893 гг. А. Позднеевым: в 2-х т. Т. 2: Дневник и маршрут 1893 г. СПб.: Рус. георг. о-во, 1896. XXX, 517 с.: ил.

Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892-1893 гг.: в 2 т. Т. 2: Дневник и маршрут 1893 г. СПб.: Тип. Император. Акад. наук,

1898. XXIX+527 с. (Труды экспедиции ИРГО).

Монголо-бурятский переводчик. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1891. XVIII, 108 с.

Монгольская летопись «Эрдэнийн Эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб.: Тип. Акад. наук, 1883. XXXVIII+421 с., 1 табл. [Прил.: Дорожная запись следования войск на север Масыха. Краткая записка Инь Хуа-синя о походе на запад. Погодичная запись Цзун Ду-юй, Чэн Луна. Краткая записка о походе за границу, составленная Цянь Лян-цзэ].

Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания, составленная А. Позднеевым, бывшим ординарным профессором С.-Петербургского университета, ныне директором Восточного Института в г. Владивостоке. С предисловием профессора Н.И. Веселовского. СПб., 1900. Рукопись.

Монгольские официальные бумаги, собранные А.М. Позднеевым. СПб., 1898.

Монгольско-китайско-маньчжурский словарь в русско-французском переводе // Известия Восточного Института: 3-й г. изд.: 1 акад. г. Т. 3, вып. 2 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1902. С. 1-48.

Монгольско-маньчжурский словарь в русско-французском переводе. Вып. I, с. 1-48. Владивосток: Нар.тип.-лит. газ. «Дальний Восток». 1901. 48 с. Отд. отт. Из Известий Вост. Ин-та, т. III, вып. 1, 1901-1902 акад. г.

Несколько слов об астраханских калмыках // Восточное обозрение. 1883. № 46-48.

Новооткрытый памятник монгольской письменности времен династии Мин: из сб. фак. Вост. яз. «Восточные заметки». СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1895. 19 с.

Новооткрытый памятник монгольской письменности времен династии Мин // Восточные заметки. СПб., 1895. С. 367-386.

Новые учебники калмыцких начальных школ. СПб.: Сенат. тип., 1912. 29 с.

Новый Завет Господа и спаса нашего Иисуса Христа с греческого подлинника на калмыцкий язык: Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна / перевел А. Позднеев (проф. по каф. монг. и калм. словесности при Императорском С.-Петербург. Ун-те). СПб.: Депо Великобританского и иностранного библейского общества, 1887. 587 с.

О древнем китайско-монгольском историческом памятнике Юань-чао-ми-ши // Известия Императорского археологического общества. СПб., 1884. Т. X, вып. 3-6. С. 245-259. Отд. отт. 22 с. + 1 табл.

О книге Г. Пржевальского [Третье путешествие в Центральную Азию. Критический очерк] // Восточное обозрение. 1884. Вып. 19. С. 106-108.

О монгольской исторической литературе по памятникам, хранящимся в Императорском С.-Петербургском университете // Восточное обозрение. [Б. г.]. № 5, 6.

О последнем китайском восстании в Юго-Восточной Монголии и о причинах противохристианских восстаний в Китае вообще / [соч.] проф. А. Позднеева. СПб.: Синод. тип., 1896. 26 с. Церковные ведомости, 1985, № 47-48. [Восстание крестьян в округе Жэхэ в 1891-1892 гг., обращенное торговцами на китайцев-христиан и монголов].

О русской торговле в Монголии // Сибирь. 1879. № 8.

Об отношениях европейцев к Китаю: речь, произнесенная на акте С.-Петербургского Университета 8 февраля 1887 года. СПб.: Типо-литогр. А.М. Вольфа, 1887. 38 с.

Об отношениях европейцев к Китаю: речь, произнесенная на акте С.-Петербургского Университета 8 февраля 1887 года // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1884. Вып. 27. С. 223-263.

Об отношениях европейцев к Китаю: речь, произнесенная на акте С.-Петербургского Университета 8 февраля 1887 года // Сибирский сборник (прил. к «Вост. обозрению»). 1887. Вып. IV. С. 64-94.

Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1: Народные песни монголов: собраны и изданы с приложением примечаний о характере народной поэзии монгольских племен, стихотворениях литературных и приемах стихосложения у монголов А. Позднеевым. СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1880. [4], VI, 347 с.

Объяснение древней монгольской надписи на чугунной дощечке, доставленной в

Академию наук г. Винокуровым: Чит. в заседании Ист.-филол. отд-ния Акад., 6 окт. 1881 г. / сост. А.М. Позднеевым. [СПб.]: Тип. Имп. Акад. наук, [1881]. 14 с., 1 л. ил.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы. Владивосток, 1904. 208 с.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы. Владивосток, 1904. 360 с. Отд. отт.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного Института: 3-й г. изд.: 1 акад. г. Т. 3, вып. 1 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1901. С. 1-32.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного Института: 3-й г. изд.: 1901-1902 акад. г. Т. 3, вып. 2 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1902. С. 37-70.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного Института: 3-й г. изд.: 1901-1902 акад. г. Т. 3, вып. 3 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1902. С. 81-120.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного Института: 3-й г. изд.: 1901-1902 акад. г. Т. 3, вып. 4 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1902. С. 121-168.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного Института: 3-й г. изд.: 1901-1902 акад. г. Т. 3, вып. 5 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1902. С. 169-216;

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного Института: 4-й г. изд.: 1902-1903 акад. г. Т. 4 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1903. С. 271-272.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного Института: 4-й г. изд.: 1902-1903 акад. г. Т. 5: Маньчжурские тексты / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1903. С. 273-360.

Опыт собирания образцов маньчжурской литературы // Известия Восточного Института: 4-й г. изд.: 1902-1903 акад. г. Т. 7 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1903. С. 375-406.

Ответ на рецензию проф. И.П. Минаева на сочинение «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии» // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Декабрь. С. 304-323.

Официальные бумаги монгольского гражданского и уголовного делопроизводства. СПб., 1883.

Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1887. XVI, 493 с., 6 л. ил., 10 л. прил.; алф. указ. личных и геогр. имен, предм. указ. имен. (Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества по отделению этнографии; т. XVI). Отд. отт.

Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу [Репринт. изд.]. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. XVI, 492, V с. (Серия «Наше наследие»).

Памятники исторической литературы астраханских калмыков: в подлинном калмыцком тексте / издал А. Позднеев. СПб.: Литогр. А. Иконникова, 1885. 90 с.

Поездка по Монголии в 1892-1893 г. (Чит. в экстренном собрании Р.Г.О. 23 ноября 1893 г.). [СПб.]: Тип. А.С. Суворина, [1894]. 36 с.

Поездка по Монголии в 1892-1893 гг. А. Позднеева (Читано в экстренном собрании Императорского Русского Географического общества 23-го ноября 1893 г.) // Записки Императорского русского географического общества. 1894. Т. 30, вып. 2. С. 145-184.

Последние издания Православного миссионерского общества на разговорном калмыцком языке. СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, [1895]. 26 с.

Пять китайских печатей // Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1896. Т. IX. С. 280-290.

Разыскания в области вопроса о происхождении и развитии маньчжурского алфа-

вита: (по поводу хранящейся в Парижской Национальной библиотеке маньчжурской рукописи) // Известия Восточного Института: 2-й г. изд.: 1900-1901; акад. г. Т. II, вып. 2 / под ред. А. Позднеева. Владивосток: Тип. «Сушинский и К», 1900. С. 118-139.

Разыскания в области вопроса о происхождении и развития маньчжурского алфавита: (по поводу хранящейся в Парижской Национальной библиотеке маньчжурской рукописи). Владивосток: Паровая Типо-литогр. газ. «Дальний Восток», 1901. 21 с. Извлечено из Известий Восточного Института; т. II, вып. 2.

Русско-монголо-бурятский переводчик / [А. Позднеев]; [ред.: Н.А. Волошинов]. 2-е изд. СПб.: Столич. скоропеч., 1898. XVIII, 108, II с.

Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-Дорботского База-Бакиш: издание Факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета ко дню открытия XI международного съезда ориенталистов / пер. с калм.; сост. и примеч. А. М. Позднеева. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1897. XVIII+260 с.

Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1880. 84 с.

Ургинские Хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта // Труды III Международного съезда ориенталистов. СПб., 1879. Т. I. С. 371-454. [Гэгэны и китайские императоры. Объяснение монгольских, тибетских, маньчжурских и китайских слов, встречающихся в статье: с. 409-454].

Учебник тибетской медицины. Т. I / пер. с монг. и тибет. А. М. Позднеева. СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1908. - VIII+425 с. - [предисловие, с. I-VIII. Перевод учебника «Джуд-ши». Лекарственные продукты.

РЕЦЕНЗИИ

К вопросу о пособиях при изучении истории монголов в период Минской династии [Рецензия] // Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1895. Т. IX. С. 93-102. Рец. на кн.: Покотилов Д. История восточных монголов в период династии МИН. 1368-1634 (по китайским источникам). СПб.: Тип. Имп. Акад наук, 1893, VI+230 с.

[Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. Июнь. С. 323-353. Рец на кн.: Пясецкий П.Я. Путешествие по Китаю в 1874-1875 гг. (через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай). Из дневника члена экспедиции П.Я. Пясецкого. В 2-х т. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. Т. I. 560 с.; т. II, 561+4+XVIII с.

[Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Т. CCXXXII, отд. 2. С. 316-351. Рец на кн.: Пржевальский Н.М. Третье путешествие в Центральной Азии. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. С 2 карт., 108 рис. и 20 политип. в тексте. СПб.: Изд. Рус. георг. О-ва, 1883. IV+II+473+II с.

[Рецензия] // Восточное обозрение. 1884. Вып. 19. С. 9-11. Рец на кн.: Пржевальский Н.М. Третье путешествие в Центральной Азии. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. С 2 карт., 108 рис. и 20 политип. в тексте. СПб.: Изд. Рус. георг. О-ва, 1883. IV+II+473+II с.

[Рецензия] // Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1886. Т. I. С. 127-136. Рец. на кн.: Георгиевский С. Первый период китайской истории (до императора Цинь ши-хуанди). СПб.: Лит. по способу М. Алисова, 1885. 322 с.

[Рецензия] // Записки Восточного Отделения Императорского русского археологического общества. 1888. Т. III. С. 133-134. Рец. на кн.: [Адоратский] Николай. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. Опыт церковно-исторического исследования по архивным документам иеромонаха Николая (Адоратского), смотрителя Херсонского духовного училища. Вып. I. История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685-1745). Казань, 1887. 165 с. Вып. II: История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745-1808). Казань, 1887. 167+367+III с.

[Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Т. 238, вып. 3. С. 87-123. Рец на кн.: Певцов М.В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. С картой Монголии. Омск, 1883, IV+354 с., 1 л. карт.

ПЕРЕВОДНЫЕ ИЗДАНИЯ

Mongolia and the Mongols. Vol. 1. Order from Mongolia Society. 1892 / translated from the Russian by J.R. Shaw and D. Plank. Bloomington, 1971 (Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series).

Mongolia and the Mongols. Vol. 2. Order from Mongolia Society. 1893 / editor J.R. Krueger. Translated from the Russian by W.H. Dougherty. Bloomington, 1977. (Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series).

Religion and Ritual in society. Lamaist Buddhism in late 19th-century Mongolia / edited by J.R. Krueger; translated from the Russian by A. Raun and L. Raun. Bloomington: The Mongolia Society, 1978. 694 p. (Publications of the Mongolia Society. Occasional papers).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Скачков П.Е. Библиография Китая. - М.; Л.: Госполитиздат, 1932. - 844 с.

Скачков П.Е. Библиография Китая. - М.: Вост. лит., 1960. - 692 с.

Шастина Н.П. А.М. Позднеев (подготовка к печати, примечания А.Г. Сазыкина) // Mongolica-VI: Сб. ст. Посвящается 150-летию со дня рождения А.М. Позднеева / сост. И.В. Кульганек. - СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. - С. 7-18.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Басханов М.К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. - СПб.: Нестор-История, 2018. - 629 с.
2. Богословский Л. Бусидо [Электронный ресурс]. URL: http://ki-moscow.narod.ru/litra/bi/udarsolnca/udarsolnca_5.htm (дата обращения: 06 08 2018.).
3. Васкевич П. Очерк быта японцев в Приамурском крае // Известия Восточного та. - Т. XV. Вып. 1. - Владивосток: Паровая Типо-лит. газ. «Дальний Восток», 1906. - С. 1-25.
4. Дальневосточный государственный университет: История и современность. 1899-1999. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. - 704 с.
5. Дыбовский А.С. К характеристике обучающей системы Восточного института (1899-1920) // Первый профессиональный японовед России: опыт латвийско-российско-японского исследования жизни и деятельности Е.Г. Спальвина. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. - С. 131-185.
6. Дыбовский А.С. Тема Японии в журналистике Дмитрия Матвеевича Позднеева // Материалы XXXIII Российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония) 31 авг. - 1 сент. 2017 г. Владивосток. - Владивосток: Изд-во Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, 2018. - С. 107-126.
7. Дыбовский А.С., Моргун З.Ф. Профессор Е.Г. Спальвин и журнал «Восточная студия» // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. - С. 107-127.
8. Известия Восточного института. Т. I. - Владивосток: Тип. Сущинский и К, 1900. - V-VIII, 1-96, I-LXIV, 39-49, 1-39, 1-34 с.
9. История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах 1899-1939. - Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999. - 626 с.
10. История отечественного востоковедения до середины XIX века. - М.: Наука, 1990. - 439 с.
11. Каневская Г.И. Один из первых русских японоведов (выпускник Восточного института Л.А. Богословский) // Вестник ДВО РАН. - 2014. - № 6. - С. 160-169.
12. Кочешков Н.В. Восточный институт во Владивостоке (1899-1920 годы) и его профессора: Учеб. пособ. - Владивосток, 1999. - 95 с.
13. Мацокин Н.П. Очерк морфологии настоящего времени японского глагола. - Владивосток, 1929. - IX+142 с.
14. Мацокин Н.П. Японский миф об удалении богини Солнца Аматерасу в небесный грот и солнечная магия // Известия Восточного факультета Государственного Дальневосточного Университета. 22-й г. изд.: 1920-21 акад. г. Т. LXVI, вып. 3. - Владивосток: Изд. и печ. Гос. Дальневост. Ун-та, 1921. - С. 11-41.
15. Общество изучения Амурского края [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Общество_изучения_Амурского_края (дата обращения: 07.08.2018).

16. Овидиев Н.П. Современное состояние литературного японского языка // Тр. Дальневост. гос. ун-та. - 1926. - Сер. VI. - № 3. - С. 1-13.
17. Ольга Лебедева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.peoples.ru/science/literature/lebedeva/> (дата обращения: 07.08.2018).
18. Основание Восточного института и торжественный акт его открытия // Известия Восточного института. Т. I. - Владивосток: Тип. Сущинский и К, 1900. - С. 1-80.
19. Отчет о состоянии Восточного института за 1909 год с историческим очерком его десятилетней деятельности. - Владивосток: Типо-лит. Вост. Ин-та, 1910. - 125 с. (Известия Восточного института. 11-й г. изд. 1909-1910 акад. г. Приложение 1-ое).
20. Отчет о состоянии и деятельности Восточного института за 1901 год, составленный и, в извлечениях, читанный на годичном акте 21 октября 1901 года директором Восточного института, профессором, А. Позднеевым // Протоколы заседаний Конференции Восточного института за 1901-1902 академический год. - Владивосток: Тип. Сущинский и К, 1902. - С. 62-68. (Известия Восточного института; т. III, вып. 3).
21. Отчет о состоянии и деятельности Восточного института за первые два месяца его существования в 1899 и 1900 году // Протоколы заседаний Конференции Восточного института. - Владивосток: Тип. Сущинский и К, 1900. - С. 85-151. (Известия Восточного института; т. II, вып. 2).
22. Позднеев А.М. К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях: докладная записка от 8 октября 1904 г. // Архив востоковедов при Санкт-Петербургском отделении Института востоковедения АН СССР. Отдел восточных рукописей. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 150. 19 лл.
23. Позднеев А.М. К вопросу об учреждении курсов восточных языков при Обществе востоковедения. 1907 г. // Архив востоковедов при Санкт-Петербургском отделении Ин-та востоковедения АН СССР. Отдел восточных рукописей. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хран. 152.
24. Позднеев А.М. Краткий очерк организации и последовательного развития изучения Востока при Обществе востоковедения. 1909 г. // Архив востоковедов при Санкт-Петербургском отделении Ин-та востоковедения АН СССР. Отдел восточных рукописей. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хран. 154. 9 лл.
25. Позднеев Д.М. Практическая восточная академия // Новое время. - 1910. - № 12403, нояб.
26. Полянская О.Н. Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А.М. Позднеева по подготовке монголоведов-практиков // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер.: Профессиональное образование, теория и методика обучения. - 2016. - Т. 11, № 6. - С. 143-148.
27. Полянская О.Н. Восточный институт (Владивосток) - центр практического монголоведения в России начала XX в. // Гуманитарные исследования внутренней Азии. - 2016. - № 2. - С. 4-10.
28. Полянская О.Н. Восточный институт во Владивостоке, его роль в изучении Монголии. Востоковеды Алексей и Дмитрий Позднеевы // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3, ч. 1. - Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. - С. 308-319.
29. Полянская О.Н. Монголоведение в университетах России в XIX - начале XX вв. Восточный институт во Владивостоке // Гуманитарный вектор. - 2011. - № 3 (27). - С. 48-52.
30. Полянская О.Н. Научное монголоведение в России: этапы становления и развития // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования внутренней Азии. - 2014. - № 1. - С. 33-44.
31. Протоколы заседаний Конференции Восточного института. - Владивосток, 1900. - С. 60-184. (Известия Восточного института; т. II, вып. 2).
32. Протоколы заседаний Конференции Восточного института // Известия Восточного института. 1900-1901 акад. г. Т. II, вып. 1. - Владивосток: Тип. Сущинский и К, 1900. - С. 1-68.
33. Протоколы заседаний Конференции Восточного института // Известия Восточного института. Т. III, вып. 1. - Владивосток: Тип. Сущинский и К, 1902.
34. Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. - 348 с.
35. Спальвин Е.Г. Конфуцианские идеи в этическом учении японского народа: речь, произнесенная на торжественном акте по случаю празднования десятилетия Восточного института 21 октября 1909 г. - Владивосток: Типо-лит. при Вост. Ин-те, 1913. - II; 22 с. (Известия Восточного института; т. XXXI, вып. 3).
36. Спальвин Е.Г. Японские общества города Владивостока // Известия Российского государственного архива Дальнего Востока. Т. II. - Владивосток, 1997. - С. 109-155.
37. Спальвин Е.Г. Японский прогресс (речь, произнесенная на первом годичном акте Вост. Ин-та 21 окт. 1900 г.) // Известия Восточного института. Т. II, вып. 2. - Владивосток: Тип. Сущинский и К, 1900. - С. 33-44.

38. Хохлов А.Н. А.М. Позднеев - основатель Восточного института во Владивостоке // Известия Восточного института ДВГУ. - Владивосток, 1994. - С. 37-47.
39. Шастина Н.П. А.М. Позднеев // MONGOLICA-VI: Посвящается 150-летию со дня рождения А.М. Позднеева. - СПб., 2003. - С. 7-18.

REFERENCES

1. Baskhanov M.K. History of the study of Oriental languages in the Russian Imperial army. SPb.: Nestor-History, 2018. 629 p.
2. Bogoslovskij L. Bushido Available at: URL: http://ki-moscow.narod.ru/litra/bi/udarsolnca/udarsolnca_5.htm (accessed 06 08 2018).
3. Vaskevich P., Sketch of life of Japanese in the Amur region. proceedings of the Oriental Institute. Vol. XV, vol. 1. Vladivostok: steam Type-lit. gas. "Far East", 1906. P. 1-25.
4. Far Eastern state University: history and present. 1899-1999. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 1999. 704 p.
5. Dybovsky A.S. Characteristics of the educational system of the Oriental Institute (1899-1920). First professional japanologist in Russia: experience of the Latvian-Russian-Japanese research of the life and activities of E.G. Spalvina. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2007. Pp. 131-185.
6. Dybovsky A.S. Theme of Japan in journalism Dmitrii Matveevich Pozdneev. Proceedings of the XXXIII Russian-Japanese Symposium of historians and economists, Far Eastern branch Russian Academy of Sciences and the Kansai district (Japan), 31 Aug.- 1 September. 2017. Vladivostok. Vladivostok: Izd-vo Instituta istorii, arheologii i etnografii DVO RAN, 2018. Pp. 107-126.
7. Dybovsky A.S., Morgun Z.F. Professor E.G. Spelvin and the magazine "East Studio". The path of development of Oriental studies in the Far East of Russia. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2014. Pp. 107-127.
8. News of the Eastern Institute. T. I. Vladivostok: Type. Sushchinsky and K, 1900. V-VIII, 1-96, I-LXIV, 39-49, 1-39, 1-34 p.
9. History of the far Eastern state University in documents and materials 1899-1939. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta 1999. 626 p.
10. The history of Russian Oriental studies until the middle of the XIX century. M.: Science, 1990. 439 p.
11. Kanevskaya G.I. One of the first Russian japanologist (graduate Institute of East L.A. Bogoslovsky). Vestnik DVO RAN. 2014. No. 6. Pp. 160-169.
12. Kocheshkov N.V. East Institute in Vladivostok (1899-1920) and its professors: studies. benefit. Vladivostok, 1999. 95 p.
13. Matsokin N.P. Sketch of the morphology of Japanese verbs. Vladivostok, 1929. IX+142 p.
14. Matsokin N.P. The Japanese myth of the destruction of the Sun goddess Amaterasu in the heavenly grotto and a sun magic. Proceedings of the Oriental Department of the State far Eastern University. 22nd ed.: 1920-21 academies. G. T. LXVI, vol. 3. Vladivostok: Ed. and PECs. GOS. Far East universiteta, 1921. P. 11-41.
15. Society for the study of the Amur region Available at: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Общество_изучения_Амурского_края (accessed 07.08.2018).
16. Ovidiev N. P. Current state of literary Japanese. Tr. Far East State un-ta. 1926. Ser. VI. No. 3. P. 113.
17. Olga Lebedeva. Available at: URL: <http://www.peoples.ru/science/literature/lebedeva/> (accessed 07.08.2018).
18. The Foundation of the Eastern Institute and the solemn act of its opening. Proceedings of the Eastern Institute. T. I. Vladivostok: Type. Sushchinsky and K, 1900. 1-80.
19. Report on the state of the Eastern Institute in 1909 with a historical sketch of its ten-year activity. Vladivostok: Tipo-lit. East. In-TA, 1910. 125 p. (news of the Eastern Institute. 11th ed. 1909-1910 academies. d. Annex 1).
20. Report on the status and activities of the Eastern Institute for the year 1901, compiled and, in extracts, read on October 21, 1901 by the Director of the Eastern Institute, Professor, A. Pozdneev. Minutes of the conference of the Eastern Institute for the academic year 1901-1902. Vladivostok: Type. Sushchinsky and K, 1902. P. 62-68. (Proceedings of the Oriental Institute; vol.III, vol. 3).
21. Report on the status and activities of the Eastern Institute for the first two months of its existence in 1899 and 1900. Minutes of the conference of the Eastern Institute. Vladivostok: Type. Sushchinsky and K, 1900. P. 85-151. (News of the Eastern Institute; vol. II, vol. 2).
22. Pozdneev A.M. On the organization of the study of the East in Russian educational institutions: report from October 8, 1904. Archive of Orientalists at the St. Petersburg branch of the Institute of Oriental studies of the USSR. Department of Oriental manuscripts. 44. Op. 1. Ed. HR. 150. 19 l.

23. Pozdnev A.M. To the question of the establishment of courses of Oriental languages in the society of Oriental studies. 1907. Archive of Orientalists at the St. Petersburg branch of the Institute of Oriental studies of the USSR. Department of Oriental manuscripts. 44. Op. 1. Ed. store. 152.
24. Pozdnev A.M. A Brief outline of the organization and consistent development of the East in the Society of Oriental studies. 1909. Archive of Orientalists at the St. Petersburg branch of the Institute of Oriental studies of the USSR. Department of Oriental manuscripts. 44. Op. 1. Ed. store. 154. 9 sh.
25. Pozdnev D.M. Practical Eastern Academy. New time. 1910. No. 12403, Nov.
26. Polyanskaya O.N. Oriental education in Russia in the early XX century.: activities of M. Pozdnev for the training of practitioners. Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya.: Professional'noe obrazovanie, teoriya i metodika obucheniya. 2016. Vol. 11, № 6. P. 143-148.
27. Polyanskaya O.N. East Institute (Vladivostok) - the center of practical Mongolian studies in Russia of the beginning of XX century. Humanitarian studies of internal Asia. 2016. No. 2. P. 4-10.
28. Polyanskaya O.N. Eastern Institute in Vladivostok, its role in the study of Mongolia. Orientalists Alexey and Dmitry Pozdnev. Russia and Mongolia in the early XX century: diplomacy, Economics, science. kn. 3, part 1. Irkutsk: Publishing house BGUEP, 2014. P. 308-319.
29. Polyanskaya O.N. Megalopodinae in universities of Russia in the XIX - early XX centuries the Oriental Institute in Vladivostok. Humanitarian vector. 2011. № 3 (27). P. 48-52.
30. Polyanskaya O.N. Scientific megalopodinae in Russia: stages of formation and development. Bulletin of the Buryat State University. Humanities research of inner Asia. 2014. No. 1. P. 33-44.
31. The minutes of the meetings of the Conference of the Oriental Institute. Vladivostok, 1900. P. 60-184. (News of the Eastern Institute; vol. II, vol. 2).
32. The minutes of the meetings of the Conference of the Oriental Institute. Proceedings of the Oriental Institute. 1900-1901 Acad. G. T. II, issue. 1. Vladivostok: Type. Sushchinsky and K, 1900. P. 1-68.
33. The minutes of the meetings of the Conference of the Oriental Institute. Proceedings of the Oriental Institute. Vol. III, vol. 1. Vladivostok: Type. Sushchinsky and K, 1902.
34. Ways of development of Oriental studies in the far East of Russia. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2014. 348 p.
35. Spalvin E.G. Confucian ideas in the ethical teaching of the Japanese people: speech delivered at the solemn act on the occasion of the celebration of the decade of the Eastern Institute on October 21, 1909 Vladivostok: Tipo-lit. at East. In-those, 1913. II; 22 p. (Izvestiya Vostochnogo instituta; vol. XXXI, vol. 3).
36. Spalvin E.G. Japanese societies of Vladivostok. proceedings of the Russian state archive of the Far East. Vol. II. Vladivostok, 1997. P. 109-155.
37. Spalvin E.G. Japanese progress: (speech delivered at the first annual act of the East. In-TA 21 Oct. 1900). Izvestiya Vostochnogo instituta. Vol. II, vol. 2. Vladivostok: Type. Sushchinsky and K, 1900. P. 33-44.
38. Khokhlov A.N. A.M. Pozdnev, the founder of the Oriental Institute in Vladivostok. Izvestiya Vostochnogo instituta DVGU. Vladivostok, 1994. P. 37-47.
39. Shastina N.P. A.M. Pozdnev. MONGOLICA - VI: Dedicated to the 150th birthday of A. M. Pozdnev. SPb., 2003. P. 7-18.

Информация об авторе:

Дыбовский Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, профессор, Школа языка и культуры аспирантуры, Осакий университет, Осака. Япония
ORCID iD: 0000-0001-6236-0886,
aledybo@gmail.com

Получена: 03 08 2018

Для цитирования: Дыбовский А.С. Алексей Матвеевич Позднеев (1851-1920) и практическое востоковедение России. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 4 -2. с. 83-105.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-83-105.

Information about the author:

Alexander C.Dybovsky, candidate of philological Sciences, Professor, School of language and culture, graduate school, Osaka University, Osaka. Japan
ORCID iD is 0000-0001-6236-0886,
aledybo@gmail.com

Received: 03 08 2018

For citation: Dybovsky A.C. Alexey M. Pozdnev (1851-1920) and Russian practical oriental studies. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 4 -2. Pp. 83-105.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-4/2-83-105.
(in Russ)